

24 сентября 1983 г. № 115 [5747]

ВЫСОКАЯ МИССИЯ РЕЖИССЕРА

Вот уже полвека работает в искусстве выдающийся режиссер современности Георгий Александрович Товстоногов. Полвека он настойчиво, неуклонно и властно строит, собирает и утверждает свой театр, свое понимание искусства, свою режиссерскую и актерскую школу. С первого ученического чеховского спектакля «Предложение», поставленного двадцатилетним юношей в Тбилиском тизе в 1933 году, до последнего по времени чеховского спектакля «Дядя Ваня», осуществленного режиссером на сцене АБДТ в 1983 году, пролегал путь этого мастера.

Всем нам, кому довелось десятилетия идти бок о бок рядом с ним, ясно, что Товстоногов давно стал безусловным лидером советской сцены, по творениям которого, как по компасу, сверяют свою работу многие, если не все театры страны, настолько авторитетно и покоряюще прочно его лучшие спектакли входили в нашу жизнь. Они определили собой не моду, а поворотные, этапные моменты театральной истории. Режиссер не метался из стороны в сторону, влекомый мучительной жадной самовыражения, а шел твердо и прямо, как если бы избранный им в молодости путь был заранее запрограммирован.

Художественную позицию Товстоногова можно сравнить с позицией Вл. И. Немировича-Данченко, всегда стоявшего между К. С. Станиславским и Вс. Э. Мейерхольдом, мудро умерявшего их неуемную дерзкую генеральность, владевшего тонким чувством меры и гармонии, ясным ощущением того, что будет понято и принято зрителем сегодня, сейчас. Можно сказать и по-другому: миссия Товстоногова состоит в том, что он сумел связать предвоенную культуру с послевоенной. Можно вспомнить о его богатой эрудиции, мастерстве наследования и развития лучших традиций отечественной и мировой сцены. Наконец, отдал должное его педагогическому дару, собравшему вокруг себя не одно актерское поколение. Все это так. И, однако, это еще не будет всей правдой о Товстоногове, ибо тут пропадает, стирается главное — личность режиссера, скрадывается неповторимое свойство его таланта, его интеллекта и души.

Режиссер Товстоногов — это спектакли, им поставленные, в которых по-своему выразилось время. Это «Оптимистическая трагедия», «Лиса и виноград», «Идиот», «Варвары» и «Пять вечеров», родившиеся в 50-е годы. Это «Не склонившие головы», «Горе от ума», «Поднятая целина», «Три сестры» и «Мещане», появившиеся в 60-е. Это «Беспокойная старость», «Ревизор», «Ханума», «Балалайкин и К» (в «Современнике»), «Прошлым летом в Чулимске», «Три мешка сорной пшеницы», «История лошади» и «Тихий Дон», созданные в 70-е годы. И, наконец, это ленинский спектакль «Перечитывая заново...» и чеховский «Дядя Ваня», открывшие итоговые работы 80-х. Из всего длинного списка постановок режиссера в нашей стране и за рубежом можно было выбрать и больше, но, думается, именно эти двадцать наиболее рельефно открыли то явление нашей художественной культуры, которое называется «режиссер Товстоногов».

Его спектакли — это прежде всего концентрированная, сгущенная до афоризма мысль, разлитая во всех порах создания. Мысль, необ-

ходимая людям именно этого, а не иного времени. Осмыслить свое время в его динамике, в его непрерывном движении — не в этом ли и состоит истинная художественная и гражданская миссия режиссера, его призвание и предназначение?

В самом деле: как большой режиссер Товстоногов родился не случайно в середине 50-х годов. И с тех пор его гражданский темперамент постоянно направлял его сценические замыслы. Человек трезвого аналитического ума, внешне уравновешенный, сдержанный и дипломатичный, он, пожалуй, является одним из самых внутренне беспокойных современных художников. Посмотрите, как на репетиции загораются его темные глаза за стеклами очков, как жадно тянется рука ко рту, закуривая одну сигарету за другой, какой приглушенной страстью рокошет низкий голос.

Волнение от мысли — вот что рождает будущий образ спектакля. Мысль, засевавшая в душу, не дает покоя, прорастает не личными обидами, но проблемами значительными, общечеловеческими, протяженными во времени. По натуре не лирик, а скорее прозаик, этот режиссер склонен к эпическим формам сцены. Ему подвластны произведения большого масштаба, вбирающие в себя крупные социальные явления, исторические события, открыто трагические конфликты и характеры. Историю он смело приближает к современности, а современность просвечивает отголосками минувшего. Вот почему так неожиданно, свежо и остро звучат его классические спектакли. А намеренные современные пьесы вбирают мгновения не случайные, но насыщенные воздухом самой истории. В этом смысле Товстоногова можно назвать сценическим историографом, потому что каждым своим спектаклем он дает нам ощущение личной причастности к историческому движению человечества.

Эпическая широта, романность режиссерской концепции влечет за собой полифонию, равноправие всех сценических голосов. Принцип актерского ансамбля, унаследованный от мхатовских традиций, глубоко и прочно укоренился в БДТ. Выраженные в «актерском гнезде» Товстоногова таланты давно стали крупнейшими мастерами советской сцены. И если кто покидал это гнездо, полагая свою индивидуальность самодостаточной, то впоследствии многое терял.

И все-таки при всей объективности, при всем многоголосии сценического «романа жизни» искусство Товстоногова нуждается в герое. Заметим, что самые прекрасные его режиссерские композиции всегда такого лирического героя находили. Когда то им стали — по великому времени — князь Мышкин И. Смоктуновского, Эзоп В. Полицеймако, Надежда Монахова Т. Дорониной и Чацкий С. Юрского с их романтической жаждой добра, правды и красоты. Позже пришли современные герои-правдоискатели Е. Копеляна и П. Лупскаева, К. Лаврова и О. Борисова, З. Шарко и Т. Дорониной, опустившиеся с романтических высот в прозу жизни, но не растерявшие ни мужества, ни человеческого достоинства. Еще позже лирический герой режиссера стал набирать трагическую окраску, ярким всполохом охватившую судьбу Григория Мелехова — О. Борисова и Холстомера — Е. Лебедева, чтобы в начале 80-х годов смениться горьким прозре-

нием Войничского — О. Басилашвили.

Впрочем, пронизательный ум режиссера никогда не оставлял в покое тех, по чьей вине правда и справедливость на земле оказывались потесненными. Недаром в его спектаклях вырастали такие масштабные социальные фигуры, как Вожак Ю. Толубеева, Бессеменов Е. Лебедева, Городничий К. Лаврова или пресловутые щедринские либералы из компании Балалайкина, сыгранные В. Гафтом, И. Квашой и О. Табаковым. Тут вся сила гневного сарказма режиссера, вся язвительность его убийственной иронии достигали своей цели.

Товстоногов вовсе не боялся показать эти фигуры крупно, придать им силу едва ли не устрашающую. Поэтому что реально видел всю опасную живучесть явления, их породившего.

Но, пожалуй, ближе всего Товстоногову, как художнику, те произведения, в которых мотивы трагедийные и сатирические неразрывно переплетаются. Наверное, не случайно постоянным спутником его творческой жизни стал не только Чехов, но и Горький. Знаменитый горьковский цикл режиссера («Варвары», «Мещане», «Дачники») по существу открыл советской сцене нового драматурга: не того скучнейшего проповедника, каким он стал в хрестоматийных переложениях, а того яростного философа жизни, сердце которого горело ненавистью к тем, кто оскверняет землю, и любовью к тем, кто ее украшает. Игра на грани смеха и слез, негодования и восхищения, усталого презрения и клокушного ликования, какой отмечены в горьковском трагикомическом цикле создания Е. Лебедева, Э. Поповой, В. Стрельчикова, О. Борисова, Н. Трофимова и многих других, дает пример остро современного способа актерского существования, образец развития системы К. С. Станиславского.

Товстоногов в пути, в движении, в постоянной немолчаливой трате сил. У него громада замыслов, планов, масса обязанностей и забот. Завершился один этап, начинается тут же, без паузы, другой. Искусство его, освобождаясь от прежней суховатой графичности, разряженной условности, возвращается к полноте жизни, тяготеет к быту, к слиянию с природой. Но при этом своей метафоричности не теряет. Союз с таким художником, как Э. Кочергин, дает возможность режиссеру ощутить живую силу сценического пространства, в котором незримо поднимается и вырастает своя поэзия, как вырастает она в загоне для табуна лошадей или в круговороте оторвавшихся от земли деревьев.

Театр Товстоногова сотворен крепко и надолго, как дело жизни глубочайше серьезное. Он может жить весело и грустно, может дышать тяжело или вольно, может изменять свой лик почти до неузнаваемости, может зазвучать новыми молодыми голосами. Но по-прежнему будет предан надеждам и тревогам гуманизма, по-прежнему будет думать о высокой и трудной мере ответственности каждого человека за все, что происходит вокруг, будет безбоязненно прикасаться к болезненным точкам истории, чтобы не дать нашей совести заснуть. И мы по-прежнему будем рваться в Ленинград на новый товстоноговский спектакль, как на праздник, который всегда с тобой.

М. СТРОЕВА,
доктор искусствоведения.

● Г. Товстоногов и исполнительница роли комиссара в спектакле Ленинградского Большого драматического театра имени М. Горького «Оптимистическая трагедия» Лариса Малеванная. Фото Ю. Белинского (ТАСС).